

ПИСАТЬ об актрисе, имеющей за плечами огромный сценический опыт, дело нелегкое: ведь со времени дебюта сыграна уйма самых разных ролей. Вот и попробуй-ка тут отыщи необходимый «общий знаменатель», когда границы художественного поиска проходят подчас по диаметрально противоположным полюсам.

А в творческой биографии артистки Московского театра имени Ермоловой Э. Кирилловой такое бывает нередко. Вспомните ее Гурмыжскую в «Лесе» Островского и Розу в пьесе Эдуардо де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник». Богатая, капризная, властная помещица госпожа Гурмыжская и добрая, тихая, раньше времени постаревшая от бесконечных семейных хлопот простая итальянка Роза... Не буду утверждать, что оба сценических портрета нарисованы безупречно. Но нельзя не позавидовать творческому диапазону исполнительницы, умеющей с одинаковой достоверностью передать черты характера, то вызывающие сочувствие, то, наоборот, гнев и осуждение.

Или возьмите новый для нас спектакль — комедию Ж. Ануя «Бал воров». Здесь мастерство Э. Кирилловой предстает перед нами в ином, опять-таки несколько неожиданном плане. В обрисовке характера леди Хэф нет той бытовой скрупулезности, с которой выписан сатирический образ в пьесе Островского. На вооружение взяты краски обобщенные и пестрые. В «Бале воров» «стихией» Кирилловой становятся и музыкальная ткань спектакля, и пластика танцевальных интермедий.

И тем не менее, при всей непохожести героинь «Леса», «Субботы, воскресенье, понедельник», «Бала воров», в каждой из работ актрисы есть что-то общее, «кирилловское», придающее убедительность любому штриху набрасываемых ею сценических образов. Для меня это «что-то» особенно ясно приоткрылось в спектакле «Гусиное перо», где Э. Кириллова играет роль завуча Василисы Федоровны...

В одном из эпизодов комедии о нашей школе, о воспитании молодежи, учителя, обсуждая новый фильм, говорят об «отрицательно привлекающей» красоте киногероя. Нечто подобное, по сути, обнаруживаешь и в Василисе Федоровне у Кирилловой. С одной стороны, она безусловно недалекий и ограниченный человек (чего стоит, скажем, один ее вопрос о том, кто такой Тютчев!). Служивцы побаиваются грубоватой прямолинейностью завуча, не скрывающей своего властолюбивого и трудного характера.

И в то же время Василиса Федоровна, да, да, та самая Василиса Федоровна, о которой

так неслучайно и справедливо отзываются авторы и актриса, обладает у Кирилловой определенным и очевидным зарядом «привлекательности». У нее не только самоуверенная, как на параде «генеральская» походка. В отличие от внешне благообразных педагогов типа Майи Львовны, она (и притом искренне!) влюблена в школу, в хлопотный учительский труд. И верит в святость тех педагогических установок, которых придерживается. Придерживается искренне, с фанатичной убежденностью в панацею «спасительной лжи» придуманных идеалов и норм поведения.

Поэтому-то Василиса Федоровна так рьяно убеждает одну из учениц не рассказывать правды о проходимце Мукосееве, бывшем воспитатнике школы, которой она руководит. Пусть ребята верят, что Мукосеев герой; пусть берут с него пример. Нет, не с реального, а с придуманного, сочиненного, воплощенного в дешевенький гипс памятника.

И представьте себе, Василиса Федоровна сумела-таки убедить девушку. И та поверила на какое-то время, что бывают случаи, когда цель оправдывает средства, когда и «низких истин» нам дороже, нас возвышающий обман.

Вот тут невольно припоминается еще и еще раз, казалось бы, анекдотичное замечание о красоте, которая может быть «отрицательно привлекающей». И поражаешься зрелости замысла режиссера и актрисы.

Показать недалеких и властных завучей (они, конечно же, есть в наших школах) — штука не хитрая. А вот копнуть поглубже, увидеть за судьбой человека — явление, объяснить причины, его порождающие, — задача куда более сложная. Но именно ее и решает великолепно в спектакле ермоловцев Э. Кириллова. Именно ее работа делает «Гусиное перо» полным серьезных раздумий о том, откуда и как появляются в нашей жизни дутые авторитеты, негодяи Мукосеевы и номинально честенькие Василисы Федоровны, не замечающие, что их «школа» воспитывает совсем не тех героев, о каких они разглагольствуют.

Я перебрал незримые логические мостики к другим спектаклям с участием Кирилловой и открыл для себя, в чем сходство созданных ею образов в «Лесе», «Бале воров» и комедии Эдуардо де Филиппо с Василисой из спектакля о наших днях и наших современниках. Оно — не во внешних сценических приемах и красках. Индивидуальность почерка актрисы увиделась мне в ином — в ее желании всегда открывать в сценическом персонаже не просто тип, не просто носителя зла или добродетели, а человека — живого, многогранного, противоречивого, над судьбой которого стоит, ой, как стоит, задуматься и поразмыслить. Отсюда берет начало психологическая убедительность сценического мастерства Кирилловой — художника большого гражданского темперамента, много и серьезно размышляющего о жизни.

Л. МАКОВКИН.

* * *

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Э. КИРИЛЛОВА в роли Василисы Федоровны.

Фото В. Ветлугина.